

#2/2019

ОС ТРО ВА

55 РОДИТЕЛЕЙ,
ВЫБИРАЮЩИХ
СВОБОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

Анна Турчанинова

Острова-2. 55
родителей, выбирающих
свободное образование

«Издательские решения»

Турчанинова А.

Острова-2. 55 родителей, выбирающих свободное образование /
А. Турчанинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960805-5

Авторами второго сборника серии «Острова» стали 55 родителей из 12 стран, занимающие активную позицию в выборе содержания и форм образования своих детей. Среди них есть те, кто отказался от школьного обучения, и те, кто ходят в самые обычные школы; создатели своих образовательных проектов и противники системного образования. «Свободное образование» — это про разное, про поле возможностей, про выбор, про будущее. Об этом и идет речь в этой книге, состоящей из 55 разных, искренних, живых историй.

ISBN 978-5-44-960805-5

© Турчанинова А.
© Издательские решения

Содержание

1. Джек Алво	6
«Для нас было важно позволить детям сделать свой выбор, и это прекрасно сработало»	8
2. Мария Алмли	12
«Термин „Хоумскулеры“ не совсем точный, ведь мы проводим так много времени вне дома!»	13
3. Оксана Апрельская	15
«Мы должны передать детям умение слышать себя, говорить да и нет»	16
4. Мария Блохина	20
«Когда я вижу, что детям хорошо,	21
5. Светлана Борисова	23
«В первую очередь свободное образование должно быть наполнено здравым смыслом»	24
6. Крис Брав	26
«У нас бывают очень интересные беседы о естествознании, истории, теологии, «о башмаках и сургуче, капусте, королях»	27
7. Дарья Бундина	29
«Самый главный навык, которому меня научили мои дети и школа, – наблюдать и ждать»	30
8. Анна Быстрик	32
Как наши дети не стали заниматься музыкой	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Острова-2

55 родителей, выбирающих свободное образование

Редактор Анна Турчанинова

Иллюстратор Надежда Артемьева

Редактор Светлана Костыгова

Корректор Елена Смирнова

© Надежда Артемьева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-0805-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0806-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Джек Алво

Канада, Торонто. Дети: Сара 28, Френсис 26, Стив 22.

Моя жена Рика и я живем в Торонто, я недавно на пенсии. После университета я выучился на профессионального бухгалтера и затем большую часть своей карьеры работал в кредитной сфере. Последние одиннадцать лет я проработал в отделе инвестиций в облигации Manulife Financial, крупнейшей канадской компании по страхованию жизни. На пенсии я занимаюсь двумя моими давними увлечениями – наблюдением за птицами и музыкой (гитара и пение) и волонтерством в пункте сбора одежды и в заповеднике.

У нас трое детей:

- Сара, 28 лет, была на анскулинге до 12 лет. Следующие четыре года она посещала Бич-скул (The Beach School) – местную, только открывшуюся альтернативную школу по модели Садбери Вэлли. В этой школе не было формальных уроков, и я бы сравнил философию/подход этой школы с анскулингом, в котором ученики свободны проводить время так, как они хотят. У них также есть право голоса в том, как работает школа. Сара была очень вовлечена в школьные дела. Например, она была председателем судебного комитета, который разбирал дисциплинарные вопросы. Последние два года старшей школы Сара провела в другой местной альтернативной школе, Ингленук (Inglenook), которая является частью системы государственных школ Торонто.

- Фрэнсис, 26 лет, была на анскулинге до 10 лет и затем пять лет посещала Бичскул. Она также была очень вовлечена в жизнь школы, разные комитеты и инициативы. К сожалению, эта школа закрылась в 2012 году. На следующий год (15—16 лет) Фрэнсис вернулась к анскулингу. Затем по собственной инициативе и с нашей поддержкой она решила учиться в школе Садбери Вэлли в Массачусетсе. Она провела там три года с 16 до 19 лет, живя в местной семье, дети из которой ходили в ту же школу. В Садбери Вэлли она процветала. Ее следующие четыре года прошли в Университете Бишопс (Bishop's University) – небольшом университете к востоку от Монреаля, в котором она получила степень бакалавра по музыке. Затем она год работала в этой области, чтобы улучшить свой французский и заработать денег. С июля 2017 она путешествует и работает в Европе, в данный момент во Франции.

- Стиви, 22 года, был на анскулинге до 7 лет, один год посещал Бичскул. В возрасте 9 лет он выбрал перейти в обычную школу по соседству, и все последующее его образование проходило в государственной школьной системе. Это включало в себя три года старшей школы в Birchmount Collegiate в Торонто, предлагавшей программу для неместных студентов-спорта-

менов, и год в альтернативной школе поближе к дому. Сейчас он учится в Гуэлфском Университете/ University of Guelph (недалеко от Торонто) на последнем году бакалавриата по торговле.

«Для нас было важно позволить детям сделать свой выбор, и это прекрасно сработало»

Как наша семья выбрала альтернативное образование для наших детей? Все началось с моей жены Рики, которая не боится оспаривать общепринятые ценности. Это она предложила домашние роды, затем совместный сон и позже альтернативный подход к обучению наших детей. В каждом случае меня нужно было убеждать, но, оглядываясь назад, я могу сказать, что доволен нашими решениями.

В плане обучения у меня очень традиционное образовательное происхождение, и мои родители всегда ожидали, что я и мои братья будем хорошо учиться в школе. Так оно и было. В школе я все время получал хорошие оценки, затем поступил в университет, чтобы изучать бизнес, после чего стал профессиональным бухгалтером. Я чувствовал, что школьное образование сослужило мне хорошую службу, поэтому сначала мне было трудно понять, почему мы не будем отправлять наших детей в обычные школы.

Рика много читала о системах образования и делилась со мной разными идеями. Я также читал что-то сам, что делало меня восприимчивым для альтернатив. Еще одна вещь, которая помогла мне, – это наблюдение за тем, как мои дети научились читать. Все трое научились этому так же естественно и органично, как говорить или ходить, без каких-либо инструкций, это просто случилось. Это помогло мне понять, что обучение может происходить без учителей.

Итак, мы выбрали анскулинг и доверились тому, что наши дети будут учиться без формальных уроков и суровых условий обычной школы. Нам повезло, что в провинции Онтарио, где мы живем, несложно стать семьей хоум-скулеров или анскулеров. Рика осталась дома с детьми, так что они были под ее присмотром, пока я работал. Они были счастливы, и они учились. Главным здесь было отпускать и доверять – непростая задача, особенно если у вас есть сомнения и беспокойство за их будущее, которые, признаю, у меня были. Но постепенно я смог доверять все больше и больше. Несмотря на это, у нас часто возникали оживленные дебаты о том, как все будет.

Что было дальше? После нескольких лет анскулинга Рика услышала, что другая семья анскулеров работает над созданием школы по модели Школы Садбери Вэлли. Мы стали читать о школе Садбери. Кроме того, я помню, как был на информационном вечере, где выпускница Садбери говорила о том, как эта школа помогла ей и как она построила свою карьеру. Она была красноречивой и впечатляющей. У нас была возможность задать базовые вопросы вроде «Как ученик Садбери готовится к поступлению в колледж или университет?» и «Какая часть учеников Садбери вообще поступает в колледж?».

Нашу новую местную школу назвали Бичскул (The Beach School, TBS). Она не финансировалась государством, поэтому нам нужно было принимать решение по финансам, что меня лично притормозило. Тем не менее, мы решились пойти в эту школу. Одной из причин было то, что мы считали, что нашим детям будет хорошо быть частью сообщества и проводить больше времени с другими детьми из семей с похожими взглядами. Все трое наших детей пошли в TBS, открывшуюся в 2007 году (в возрасте 12, 10 и 7 лет).

И снова главной была способность доверять тому, что наши дети будут учиться и со временем найдут свой путь в мире.

Наш младший сын, Стиви, проучился там всего год, после которого спросил, можно ли ему вместо этого пойти в школу по соседству, чтобы быть с друзьями с нашей улицы. У него не было достаточной группы сверстников в крошечной TBS; мы поняли его точку зрения и согласились.

Когда Саре исполнилось 16, она решила, что хочет более традиционных занятий, а также большей группы других сверстников-подростков. Она сама разузнала о государственных аль-

тернативных школах в Торонто и остановилась на Inglenook. Не посещая до того каких-либо формальных уроков, она очень хорошо справлялась как академически, так и социально. Учителя были высокого мнения о ней. После этого она проучилась год в Королевском Колледже (King's College) в Галифаксе по программе «Год основания» (Foundation Year Programme). Сделав паузу в учебе, она начала посещать Колледж Джорджа Брауна (George Brown College) в Торонто по программе социальной работы. Сара выпустилась в апреле 2018 и сейчас работает в этой сфере в Торонто.

Фрэнсис, будучи на год младше Сары, оставалась в TBS на год дольше. Но затем TBS закрылась, главным образом потому, что не смогла привлекать достаточно учеников. Фрэнсис провела следующий год на анскулинге, скучая по школьному сообществу. Потом она объявила, что хочет поехать в Садбери в Массачусетс. Мы не были в восторге от того, что она хочет уехать так далеко от дома в возрасте 16 лет, но она была полна решимости, и мы были вполне уверены, что Садбери будет хорошей средой для нее, поэтому согласились. Там Фрэнсис жила в местной семье с четырьмя детьми младше нее, двое из которых были школьного возраста и учились в этой же Садбери. Это было отличное устройство жизни для нее, и она расцвела в этой школе, заводя много новых друзей, участвуя во множестве школьных активностей и все больше вырастая как личность.

После трех лет в Садбери Фрэнсис решила поступать в университет. Она подготовилась и хорошо сдала тесты SAT, провела исследование университетов и посетила два из них. Она сделала это совершенно самостоятельно и выбрала Университет Бишопа (Bishop's University) в провинции Квебек (восточнее Монреаля). Там она изучала музыку. Несмотря на то, что там были некоторые аспекты структурированной академической среды, которые ей не нравились, в целом она получила очень хороший опыт и степень бакалавра по музыке. Через год после выпуска она отправилась в поездку, которая позволила ей исследовать другие интересы во время работы и путешествий по Европе.

Что бабушки и дедушки думали обо всем этом?

Бабушки и дедушки с обеих сторон встречали наши решения относительно анскулинга и альтернативных школ без энтузиазма. Тем не менее, они не слишком распространялись о своих тревогах. Я думаю, они чувствовали, что принимать такие решения – это наша ответственность как родителей. Надеюсь, их успокаивало то, что наши дети растут уравновешенными, умными, четко выражающими свои мысли и вежливыми людьми.

Что значит «демократическая школа»? Этот термин разные люди интерпретируют по-разному, исходя из различных моделей школ, которые называют себя демократическими, но на самом деле отличающихся по своей природе.

Вот два важнейших для меня элемента демократического образования как в TBS, так и в Садбери: во-первых, детям доверяют решать самим, как проводить свое время, вместо того, чтобы быть привязанными к обязательным занятиям; во-вторых, у них есть равное право голоса в том, как работает школа, включая набор персонала, бюджет, управление и дисциплинарные действия.

Что из этого получилось?

Для нас было важно позволить трем нашим детям сделать свой выбор в отношении образования. Точно так же мы никогда не чувствовали, что должны давить на них в плане карьеры. Я уверен, что каждый из них благодарен за свободу выбирать свой путь в образовании и жизни. Так что я бы сказал, что это прекрасно сработало.

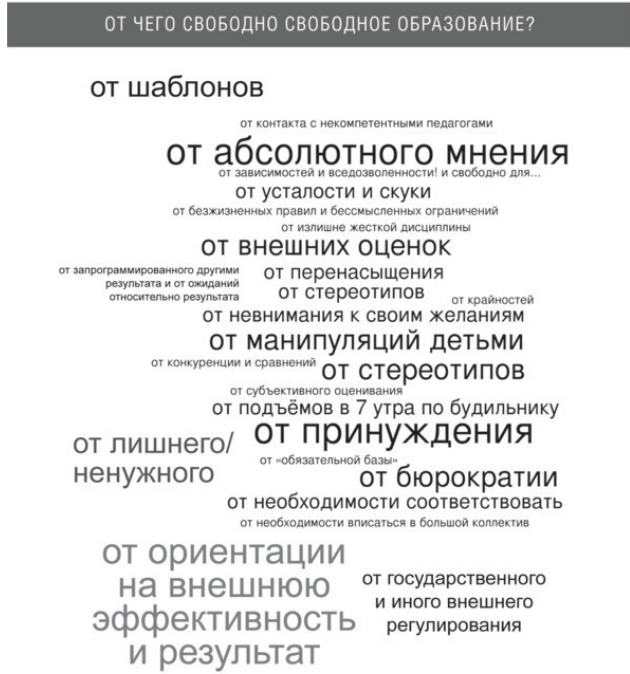
Двое из наших троих детей выбрали альтернативное образование. Несмотря на опасения, которые были у меня насчет того, смогут ли они получить высшее образование, обе получили его, приобретая хороший опыт. Я считаю, что в учебе в альтернативных школах было много пользы. Обе мои дочери:

- очень четко формулируют свои мысли;

- независимо и критически мыслят;
- всегда легко общались с детьми всех возрастов и взрослыми;
- принимают других независимо от этнического происхождения, способностей и т. д.

Я бы сказал, что у моего сына, который выбрал традиционное образование, есть многие из этих черт, но также заметно, что он более подвержен влиянию ценностей и интересов мейн-стрима. Могло бы сложиться по-другому, если бы он провел несколько лет, например, в Сад-бери.

И Сара, и Фрэнсис остаются убежденными сторонницами альтернативных школ. Фрэнсис посетила EUDEC в 2017, где ее речь, как первого спикера, была тепло встречена, и в 2018, где она была в качестве участника. Также во время путешествий она приняла несколько приглашений посетить демократические школы в Европе. Это было результатом ее участия в конференциях EUDEC.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

самореализация самомотиваций
удовольствие+польза+долг

природосообразность
жизнь в кайф
следование за интересами учащегося
естественный способ познания себя и мира
когда тебе дают отдохнуть
простор
ответственность перед собой выгода
выход в открытый космос

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ
образование свободного человека
формирование свободного образа мышления
гармоничная жизнь семьи
образование свободой счастливое детство
право ребенка
утоление познавательной потребности
творческий подход к процессу обучения

ЖИЗНЬ
получение знаний и опыта, которое ограничено
только фантазией и Уголовным кодексом

2. Мария Алмли США, Калифорния. Дети: 17, 14, 9, 6.

Мария имеет степень бакалавра философии. Она работала радиожурналистом и обучала взрослых, изучающих английский язык. Как родитель детей на семейном образовании, Мария была вице-президентом Альянса Хоумскулеров Миннесоты, координатором по связям с местным кооперативом и возглавляла различные классы, научные ярмарки и книжный клуб средней школы. Ее хобби – катание на велосипеде, вязание, пение и письмо. У нее и ее мужа Чарльза четверо детей, в возрасте 17, 14, 9 и 6 лет. До сих пор семейный образовательный паттерн состоял в том, чтобы учиться дома в начальной и средней школе, тогда как дошкольное время и старшие классы происходили вне дома. На протяжении последних двенадцати лет хотя бы один из их детей учился на дому. Недавно семья переехала из Миннесоты в Калифорнию.

«Термин „Хоумскулеры“ не совсем точный, ведь мы проводим так много времени вне дома!»

Мы всегда думали, что могли бы обучать наших детей на дому до 8-го класса (за год до старших классов) – то есть всю среднюю школу. В США средние школы имеют репутацию социально неблагополучных и академически застойных. По крайней мере, так думают мои сверстники, которые учились в средней школе в 1990-х годах. Кроме того, мы хотели показать нашим детям всю широту окружающего нас мира, прежде чем они погрузятся в изолированную и всепоглощающую жизнь старшекласников, как это часто бывает. Независимо от того, полюбят ли они старшие классы или возненавидят их, я хотела, чтобы они знали, что наш мир намного шире.

Но для нашего старшего сына уже начальная школа оказалась не тем, на что мы надеялись. Он был невероятно рад пойти туда учиться. К зиме он смирился с мыслью, что учеба – это утомительная работа, которую нужно терпеть. Ему было всего пять лет – слишком рано для того, чтобы устать. Кроме того, учителя не знали, что у него получалось хорошо, а что плохо. Его словарный запас был исключительным, а почерк – ужасным, но его первыми отметками были одни четверки. Иногда его работы были некорректно исправлены, но он защищал эти исправления. После нескольких бесплодных встреч с его учителем мы решили попробовать хоумскулинг в течение лета, чтобы посмотреть, сможем ли мы дать ему что-то лучшее. Мы начали регулярно читать друг другу, играть в математические игры, гулять на море, пролистывать учебники истории и просматривать документальные фильмы о науке, и мы обнаружили, что нам нравится то, что мы делаем, и что наш сын хорошо учится. Наша младшая дочь подтягивалась за ним и тоже начала хвататься за знания.

Это было двенадцать лет назад. С тех пор двое наших старших детей пошли в старшие классы в государственную школу, а две младшие дочери в настоящее время являются хоумскулерами 1-го и 4-го классов. Несмотря на то, что наши ежедневные занятия меняются в зависимости от потребностей каждого ребенка, я обнаружила некоторые закономерности.

Каждое утро начинается одинаково. Для нас это работа по дому, завтрак и темы, которые нам больше всего интересны в этом году. Сначала мы занимаемся наиболее сложными вещами. Это может быть чтение для младших, занятия музыкой или математика. Мы используем учебную программу, когда она может помочь нам, если нет – используем другие подходы. Хотя точное время суток, когда мы делаем определенные вещи, может измениться, порядок не меняется. Таким образом, мы все знаем, чего ожидать. Когда наши дети становятся постарше, их утренний распорядок – это скорее проверка их приоритетов на день.

Вторая половина дня свободна для более практических занятий. Мы можем провести научный эксперимент, отправиться на экскурсию, сделать 19 творческий проект или встретиться с друзьями в парке. Дети сами выбирают направление. Мое единственное правило заключается в том, что их деятельность вырабатывает навыки или преследует интерес.

Изучение окружающего мира и использование по максимуму детского любопытства являются для нас такими же важными вещами, как и утренний распорядок. Некоторые из наших друзей на СО шутят, что термин «хоум-скулеры» не совсем точный, ведь мы проводим так много времени вне дома, и я с этим согласна. Наши запланированные вылазки позволили нам плавать с (маленькими) акулами, исследовать пещеры, встречаться с известными авторами и погружаться в музейные экспонаты, начиная с Помпеи и заканчивая международной космической станцией.

Но спланированные поездки – это только половина истории. Дети также получают пользу от ежедневных прогулок и таких простых вещей, как поход в продуктовый магазин. У нас есть возможность поговорить о том, как устроен мир. В тот момент, когда человек за при-

лавком с морепродуктами дает им импровизированный урок о морских звездах в комплекте с настоящими скелетами. Или когда продавец родниковой воды бесплатно показывает насосную станцию, объясняя детям гидравлику, систему ультрафиолетовой стерилизации и карту водоносного горизонта. Когда мы видим бастующих медсестер возле больницы или когда говорим об экономике и политике здравоохранения в США.

Мои дети близки друг к другу, хотя и не все близки по возрасту. У них есть друзья в нашем районе, в нашей еженедельной игровой группе хоумскулеров, в музыкальных и спортивных клубах и в церкви. Они свободно чувствуют себя с людьми всех возрастов и национальностей.

Неспешное устранение слабых мест является еще одним преимуществом обучения на дому. Дети не чувствуют себя отсталыми, нет необходимости двигаться вперед, если ребенок еще не освоил базовые знания, что позже может вызвать проблемы. Они могут уделить столько времени, сколько им нужно, чтобы научиться чтению, умножению, делению с остатком – всему, что им кажется сложным. Моему третьему ребенку было сложно научиться читать. Но мы набрались терпения и выдержки и стремились продолжать так, чтобы чтение оставалось для нее приятным занятием. Сейчас по этому предмету она на несколько классов впереди. Она любит читать, проглатывая книги почти так же быстро, как мы успеваем их добывать. Чувство, что она плохо читала, только усугубило бы ситуацию в самом начале.

Мне нравится, как домашнее обучение позволяет моим детям развивать свои сильные стороны. У них больше времени для работы над тем, что они любят, что позволяет отрабатывать навыки, превосходящие навыки сверстников, которых учат в обычных школах. У них нет традиционного давления в классе, чтобы быстро выполнить задание или получить хорошую оценку. Это делает возможным поисковое, пробно-ошибочное обучение, что приводит к глубокому пониманию. Ошибки становятся возможностями для обучения, а не доказательством того, что они должны его бросить.

Мой старший ребенок любит художественную литературу и сочинение. Когда он был в 8-м классе, он написал роман. Мой второй ребенок увлекается программированием и робототехникой. В 13 лет она создала и запрограммировала робота для проекта научной ярмарки. В итоге она участвовала в Научной ярмарке нашего штата и получила награду от 3М – местной технологической компании и была приглашена на обед с некоторыми из ее ведущих инженеров.

Что может не понравиться в семейном обучении? Иногда бывает сложно. Но это не те вещи, о которых беспокоится большая часть общества. Социализация и пробелы в знаниях никогда не были для нас проблемами. Вместо этого мы боремся с домашними делами и ищем баланс между работой и личной жизнью. С детьми, которые живут и учатся в доме каждый день, в доме становится грязно. Сначала мне было трудно расставить приоритеты по уборке. Потом я поняла, что, если пренебрегать этим слишком долго, все как будто останавливается. Как только я научила детей помогать, стало легче. Наш дом не безупречен, но работая вместе, мы можем довольно быстро привести его в порядок. Найти баланс между работой и личной жизнью для меня оказалось сложнее. Иногда трудно уделять время для себя, но зато потом я всегда чувствую себя счастливее и эффективнее. Для меня это означает поддержание и развитие профессиональных навыков и увлечений, выделение времени на любимую работу (оплачиваемую или добровольную), встречи с друзьями и внимание к своему здоровью.

3. Оксана Апрельская **Россия, Москва. Дети: Александра 12.**

Здравствуйте. Меня зовут Оксана Апрельская. Пятый год я мама анскулера. Дочери, которая сама решает, чем и когда ей заняться. И почти четыре года я занимаюсь тем, что призываю родителей обращать внимание на ребенка, его потребности, цели. И на ценности семьи. И только с учетом этих факторов определять образовательный путь. Для ребенка и для всей семьи. Я яростный сторонник свободного образования. Образования, которое идет вслед за интересом ребенка здесь и сейчас, а не предполагает заранее придуманной и спланированной взрослыми программы. При этом, как и многие, я постоянно задаюсь бесконечным числом вопросов, ищу на них ответы, боюсь наделать непоправимых ошибок и хочу для своих детей какого-то светлого будущего. Я хочу поговорить о том, что меня волнует последние лет семь. Для справки, это две трети жизни моей дочери. Куда пропадает внимание к настоящему живому ребенку, доверие к нему и к собственным родительским ощущениям, когда ребенок достигает дошкольного возраста?

Хочешь изменить мир – начни с себя. Так что и рассказ будет обо мне. А точнее – об истории нашей семьи.

«Мы должны передать детям умение слышать себя, говорить да и нет»

Когда моей дочери Саше было 4,5 года, я нашла для нее идеальную школу. И немедленно записала ее в художественную студию при этой школе. Потому что думала, так будет проще поступить в подготовительную группу. И в студии, и в школе все было прекрасно. Педагоги обожали детей, а их работы называли исключительно шедеврами. В коридорах, ожидая дочь с занятий, я наблюдала за отношениями между учениками и учителями. И мне все страшно нравилось. Уважительное отношение, даже обращение к старшим детям на «вы».

Я зачитывалась ответами директора на вопросы учеников на сайте школы. Помню, как впечатлилась, когда он пригласил ученика 9 что ли класса прийти побеседовать. Мальчик просил разрешить пропускать уроки танцев. А директор предложил поговорить о том, как балльные танцы помогут ему быть увереннее в жизни и в общении с противоположным полом.

В общем, мне все нравилось. И дочери, как я считала, тоже. Она послушно рисовала прекрасные картины на предложенные темы. Но на последнем занятии, когда можно было рисовать все что угодно, она за полчаса нарисовала контур какого-то странного животного на четырех сосисках вместо лап и радостно побежала домой. Где честно призналась, что рада, что наконец-то закончился год и можно этим больше не заниматься. Желательно никогда. Она до сих пор не фанат рисования.

Это был первый звонок. Требование задуматься. Да, мне очень нравилась школа, нравилась студия. Ведь я сама в детстве страшно любила рисовать и могла тратить на это часы, дни, стопки бумаги и тонны материалов.

Вы догадались, о чем будет следующий тезис? Во всем так здорово спланированном будущем не было самого главного – моего ребенка, ради которого все и затевалось.

Тогда я стала наблюдать за дочерью. Отметила ее любовь не к свободному творчеству. Но к творчеству конкретному, прагматическому, техническому, инженерному. Конструирование, изобретательство – вот на 100% ее тема. И тут та же самая выбранная школа тоже могла помочь. У них даже был класс для изобретателей. Родственники к тому времени уже основательно наседали с вопросом, как, куда и где. Но благодаря тому первому звонку запустились какие-то внутренние процессы и появилось ощущение, что все как-то неправильно. Что во всех этих планах слишком много меня, бабушек, дедушек, экспертов, директоров и учеников школ, каких-то других людей. Но по-прежнему слишком мало ребенка. Зато есть твердая уверенность «Так надо!». И я иду за ней.

Вероятно, эта уверенность в том, что последовательная передача ответственности за ребенка специально обученным людям – необходима. Это наследие отлично работавшей когда-то социальной машины. Наши родители выросли в этой системе и не подвергали ее сомнению. И она действительно отлично работала.

Работает ли сейчас – открытый вопрос ко всем нам. Но я не об этом. А о том, что есть общее фоновое недоверие к родителям со стороны специалистов. Даже отличных. И, наверное, отсюда во многом и берет корни уверенность в том, что детей обязательно, непременно, нужно передоверить этим специалистам.

К молодой маме относятся настороженно, а то и вовсе с агрессивным недоверием, уже с первого приема в женской консультации. Как будто любые шаги, которые может предпринять беременная женщина, априори губительны для будущего ребенка. Сначала консультация, потом роддом, детская поликлиника, детский сад, школа. Складывается ощущение, что все, ну или, как минимум, абсолютное большинство родителей – это такие страшные люди, от которых непременно нужно спасать их собственных детей. Специалисты вообще лучше знают, что

делать с этими маленькими людьми. А вы, мамаша, не мешайте. А то угробите ненароком. И так вплоть до совершеннолетия.

Неудивительно, что родители чувствуют себя неуверенно в своих родительских решениях и действуют на автомате по предложенным шаблонам.

Мне повезло. Мой поведенческий шаблон – сопротивляться любому «надо». Я страшно люблю плыть против течения. Главное – выбрать подходящую реку. Так что с тем «надо» существовало сопротивление вот этому общему напору. Сопротивление, которое мы назовем «не хочу». И в эту благодатную почву «не хочу так, как надо» зерно сомнения заронил мой муж. Спасибо ему за это.

Он в это время получал степень магистра в управлении образованием и учился у Катерины Николаевны Поливановой и Анатолия Георгиевича Каспаржака. Он рассказывал мне о кризисе системы образования в мире, присылал ссылки на выступления Кена Робинсона о том, как школы убивают креативность, книги Ивана Иллича «Освобождение от школ» и Александра Нилла «Воспитание свободой». Ненавязчиво склонял меня ко всяким непотребствам вроде «в школу можно вообще не ходить, все равно никто в мире толком не знает, что делать с этой школой как с институтом». И я закопалась в исследование внесистемного обучения. Слушала лекции и читала статьи о вызовах образования ХХI века. Разговаривала с экспертами и расшатывала свои убеждения.

Оказалось, например, что уже нет понятия базовых знаний. Что количество информации в мире растет настолько стремительно, что просто невозможно вычленить эту обязательную для всех базу. И ключевым становится умение ориентироваться в информационных потоках. Но это сейчас! А что будет через 10—15 лет? Чему учить ребенка сегодня, чтобы оно пригодилось? Вообще неизвестно!

Есть мнение, что уже через 10 лет станет актуальным новый тип занятости – «неработа», которая должна стать не менее осознанной, чем трудовая деятельность. Новая образовательная реальность такова, что нам предстоит помочь ребенку научиться находить себе занятия. Когда много свободного времени, как не сойти с ума? Первый и вечный ориентир – свобода ребенка. И это – ключевой фактор его успешности.

Вы, должно быть, заметили, что я много пишу о себе. О своих метаниях, трансформациях и своей внутренней работе. Где же тут ребенок, если решение в пользу отказа от школы я приняла для себя?

А Саша в это время ходила в старшую группу детского сада и мечтала пойти в школу. Ок, сказали мы, ее родители. Ребенок хочет. И записали с сентября на подготовишки. Трижды в неделю, каждый понедельник, среду и пятницу в течение полугодия дочь ходила в школу. Потом случилась какая-то внезапная незапланированная поездка в Питер, и я сообщила ей, что школу придется пропустить. Извини, дорогая. Знаете, какая была реакция? «Ура!» – сказала дочь. «А только в понедельник? Или в среду тоже можно пропустить?!» Это был второй звонок.

Третий и окончательный случился на открытом уроке, где учительница задала какой-то вопрос, посмотрела на мою дочь и сказала: «Даша, ответь». И моя Саша не возразила, а послушно ответила на заданный вопрос. Позже в ответ на мое недоумение сказала: «Я пробовала сначала исправлять, а потом перестала».

Так отсутствие ребенка во всем этом мире грандиозных планов достигло пика. Как не было в моих планах о будущем моей собственной дочери, пока я выбирала школу и кружки, которые привели бы в эту школу. Так и в самой школе не было моей дочери. И это стало последней каплей в поисках светлого будущего для ребенка. Без самого ребенка.

Такой длинной и очень личной историей я хотела выразить одну простую мысль. Наши родительские цели, планы и мечты не обязаны совпадать с тем, что обо всем этом думает ребенок. И скорее всего они будут отличаться. Риск того, что даже самый внимательный и любя-

щий родитель в погоне за лучшими возможностями потеряет по дороге из виду самого ребенка с его стремлениями, крайне велик. И важно об этом помнить.

Когда вместо этого конкретного человека, его личной динамики, падений и взлетов, провалов и достижений, важным становится его соответствие внешним нормам и стандартам? Смена ориентира часто происходит именно в старшем дошкольном возрасте. Почему?

Как будто ровно в день семи-шести-пятилетия одного ребенка – играющего, любопытного, подвижного, живого, спонтанного – заменяют сферическим ребенком в вакууме, которому положено немедленно сменить ведущий тип деятельности с игровой на учебную.

Кстати, кто сказал, что учебная деятельность возможна только за столом с книжкой в четырех стенах (ну ок, в инновационных овальных кабинетах)? Кто сказал, что для этого нужно перестать двигаться и начать выполнять указания? Присмотритесь. Уверяю, с ребенком ничего не произошло, он остался прежним. И я стала учиться наблюдать за дочерью, доверять ей.

Недавно я консультировала подругу. Она хочет сменить дочке детский сад. Хочет выбрать, конечно, лучший и просит подсказать, какой это – лучший. Вальдорфский, Монтессори, авторский, подставьте свой вариант. Но до одного ехать полчаса, другой стоит как крыло самолета, а третий – не очень нравится ребенку. Я спросила: а зачем? Зачем менять сад. Что-то беспокоит ребенка в текущем положении вещей? Может быть, нарушился сон, испортилось настроение, аппетит? Появились конфликты, раздражение? Не устраивают воспитатели? Нет. Все хорошо. Есть друзья. Ходит с удовольствием. Любит, скучает во время болезни. Хорошо. Тогда зачем? Потому что мне кажется, что я что-то упускаю. Я отправила подругу к психологу разбираться с собственной тревожностью.

В контексте СО нам часто говорят: «Вы не даете детям выбор, не отдавая их в школу!» Но, во-первых, это лукавство. В информационном пространстве, где практически с рождения ребенок слышит «Вырастешь – пойдешь в школу», прочная связь между этим «пойти в школу» и «стать взрослым» уже не оставляет ребенку выбора. Во-вторых, родитель, хоть ты тресни, в любом случае ответственен за этот выбор – будь он в пользу государственной школы 5 дней в неделю, частной традиционной, альтернативной, семейной школы или вообще отсутствия образовательной организации в жизни ребенка. Да, мы даем ребенку делать самостоятельные выборы, но лишь в заданной рамке, и это нормально.

И это страшно. По-честному брать на себя ответственность за решения в отношении другого человека. Любимого и родного, пока еще маленького, но целого настоящего человека. Страшно. И почему-то про образование – особенно страшно. Чего-то недодать, не предоставить лучших возможностей. Но где они – эти возможности, и какие лучше других.

У меня есть две новости – хорошая и плохая

Начну с плохой. Хотим мы того или нет, но одним фактом зачатия уже принимаем на себя всю полноту ответственности за чью-то жизнь. И если мы сделаем вид, что выбор не наш, а просто так сложились обстоятельства, это не снимает с нас ответственности. А вот признать эту ответственность и значит быть взрослым. Вопрос – готовы ли мы принять себя в этом качестве. В качестве взрослого. Или хотим переложить все-таки ответственность на кого-то другого, а потом предъявить претензии, если не получится так, как было задумано. Все равно, какую стратегию мы выберем. Все равно, что будем делать. В любом случае ошибки будут. Травмы будут. Можно смириться с этим уже сейчас, перестать беспокоиться и начать жить. Снимая с себя полноту ответственности за принятие решений, мы остаемся такими же незрелыми детьми, взрослыми лишь по паспорту. Мой страх ошибиться и чего-то недодать – это на самом деле не про ребенка и отсутствие в его жизни всех возможностей. Это мой собственный страх – оказаться плохим родителем.

Хорошая новость – это лечится. Доверим к себе и ответственностью за собственные решения. В доверии к себе приходит уверенность и доверие к ребенку. В умении заботиться

о себе приходит умение заботиться о детях и их собственных потребностях. А с примером заботы о себе со стороны родителя, хочется верить, и ребенок научиться слушать и слышать себя, различать и удовлетворять свои потребности.

Что нужно, чтобы не потерять едва обретенную родительскую уверенность в мире, где она ежедневно подвергается сомнению со всех сторон? Я нашла ответ в своей работе. В поддержке близких по духу людей. В объединении вокруг общих ценностей. В познании себя, своих потребностей, стремлений и желаний. В любимом деле. В поиске своих источников ресурса, сил и энергии.

Умение разбираться в себе, слышать себя, говорить «да» и «нет» мы можем и должны передать детям. И это путь длиной в жизнь.

4. Мария Блохина
Россия, Москва/Кратово. Дети:
Екатерина 10, Андрей 4, Александра 2.

Мне 33 года, я врач стоматолог. Работала раньше очень много – 7 дней в неделю. С увеличением количества детей я стала работать меньше, но так и не была полноценно ни в одном декретном отпуске. В настоящий момент мы переехали из Москвы в Кратово и присоединились к школе «У. Дача», это послужило поводом еще сократить рабочий график до двух, иногда трех дней в неделю. Уже 2 месяца как мы полностью отказались от детского сада. За время работы я совсем забросила свои личные интересы (раньше увлекалась китайской живописью, росписью витражными красками). У мужа плавающий график на работе, но в основном 5/2.

«Когда я вижу, что детям хорошо, мне становится прекрасно»

Буквально 3 года назад я не поверила бы, что могу находиться там, где нахожусь теперь.

О семейном образовании я узнала в начале 1 класса старшей дочери. Она с двух лет ходила в детский сад, я работала и не думала, что бывает иначе. Пока я перебарывала тему СО, дочка училась в 1 классе, проблемы нарастали как снежный ком – учиться не хочется, домашние задания до полуночи. В школе у дочери началось вранье по поводу и без, страхи, слезы, отсутствие желания делать что-либо в принципе. Я стала замечать, что хочу придушить своего ребенка (здесь нужен смайлик с огромными глазами). Через 6 месяцев после начала учебного года мы ушли на СО. Были репетиторы, сдача аттестации за 1 класс, получилась та же школа, только дома, те же понукания, принуждение.

За лето я поняла, что могу учить дочку сама. 2 и 3 класс мы учились дома, получая удовольствие от того, что можем больше времени проводить друг с другом, учиться в своем собственном темпе, уделять внимание тому, что нам кажется важным.

Кроме получения удовольствия, у нас были разные времена. Были и есть серьезные сложности с мотивацией именно к учебе. Мотивация «учи – тебе надо потом это сдавать» не работала. А мои установки «не будешь учить – не сдашь экзамен!» дочка приняла очень близко к сердцу. Она стала бояться идти на экзамен, заходить в кабинет к учителю, когда шла на аттестацию. Тогда я почувствовала себя очень гадко и поняла – надо что-то менять!

Дочка занималась танцами, шахматами, ментальной арифметикой, бисероплетением, рисованием, музыкой. График был настолько насыщен, что было непонятно, где же та самая свобода, которая должна быть на СО? В какой-то момент я поняла, что дочке очень сильно не хватает общения со сверстниками. Ранее мы пытались примкнуть к «еженедельным встречам в библиотеке», но они перестали происходить; к «Муми-школе», но она перестала работать в ближайшем к нам филиале из-за недостаточного количества участников. Все остальные варианты семейных школ нам не подходили по территориальному принципу, по временному интервалу (возить ее далеко и ждать где-то на улице или в машине с грудным ребенком было невыполнимой задачей).

Осенью 2017 года я узнала о существовании У. Дачи, зачитала все их посты до дыр, но для себя не понимала, как это мы в Москве, с устоявшимися кружками, работами, детским садом, удобствами, бабушками-дедушками и полным вакуумом для общения, а они там, в НЕРЕАЛЬНО ДАЛЕКОМ Кратово. Все общение у дочери происходило до и после кружков и во время прогулок. Летние 3 месяца мы провели на даче, и постоянное общение с дворовыми ребятами было очень нужно моей дочке (она гуляла с раннего утра до поздней ночи) ... И я поняла, что в Москве с хорошими кружками и всеми делами ей не хватает простого человеческого общения. Я плотнее стала размышлять о переезде в Кратово. Мы съездили познакомиться в У. Дачу и на октябрь 2018 запланировали переезд. Октябрь был «тренировочным» месяцем, я проверяла, как это – «ездить 2,5 часа в один конец на работу», «ездить на электричке», «жить в своем (арендованном) доме», «быть вдалеке от помощи бабушки и дедушки», «проводить все дни одной с 3 детьми».

И по истечении месяца мы приняли решение остаться в Кратово. У. Дачники приняли нас как родных, и сейчас мне кажется, что мы уже живем тут всю жизнь, а то, что было в Москве, было не с нами. За эти 2,5 месяца я увидела, как дочь меняется, у нее появляются идеи и она сама ищет пути их реализации. Постепенно вникая в тему школ Садбери Велли, я начала задумываться об анскулинге...

Хочу еще написать о том, что в Москве вокруг нас не было людей, понимающих СО. Все смотрели на нас как на «немного странных», учителя в школе относились ко мне с насто-

роженностью, это слышалось в их голосе при общении. Родители и друзья периодически пытались взывать к моему сознанию со словами «девочке нужно учиться», «девочке нужно общение, социализация», «ты же не сможешь ее всю жизнь оберегать от всего». За три года таких давлений со стороны близких мне людей я начала терять уверенность в своей правоте, думая, что, может, это и правда, что со мной что-то не так... Полное погружение в ощущение белой вороны. Очень сильную поддержку я нашла сейчас в У. Даче. Мы не обсуждаем ежедневно эту тему, но, находясь среди людей, имеющих похожие взгляды на воспитание и обучение, становится так легко и комфортно на душе, и это дает уверенность в своих действиях.

Средний сын отходил один год в детский сад, ходили мы «через пень колоду». Часто утром он просыпался и говорил: «Я сегодня в сад не пойду», и никакие коврижки не могли изменить его решения. В этот момент я вспоминала, как у старшей не было такой опции, я просто ее сонную одевала, сажала в машину, и просыпалась она уже в саду в раздевалке. Я кайфую от того, что дети могут быть дома со мной, могут вместе играть, ссориться, мириться.

Еще я думаю, что все это семейное образование нужно больше мне, чем детям. Ведь, когда я вижу, что им хорошо, то и мне становится прекрасно. И я чувствую, какой впереди ожидает меня прекрасный путь по познанию всего нового и по возрождению своего забытого внутреннего ребенка.

5. Светлана Борисова
Россия, Москва. Дети: Татьяна
34, Ирина 18, внучка Дарья 9.

Я – мама двоих детей с большой разницей в возрасте, темпераменте, ресурсе – во всем... Бабушка любознательной, живой и веселой внучки. Интересуюсь психологией, воспитанием, образованием. С детства занималась работой с младшими. Но... моя профессия мало связана с воспитанием и обучением, разве что с обучением коллег считать сложные проценты и правильно писать числительные. Мне нравится чему-то учить, объяснять. Но необходимо во всем видеть смысл. Совершенно не могу запомнить информацию, которая мне непонятна или совершенно не нужна (кроме стихов).

«В первую очередь свободное образование должно быть наполнено здоровым смыслом»

Прежде чем выбирать путь, нужно взвесить все за и против. Поэтому я решила поделиться своими воспоминаниями и мыслями о школе. Официальной школе.

Начну с того, что о моей школе у меня только хорошие воспоминания. Все было довольно комфортно и продуктивно. Мне было интересно, получалось. Совершенно спокойно можно было подойти и решить все вопросы с учителями. Учителей многих вспоминаю добрым словом. С бывшим своим классным руководителем общалась и впоследствии. Знания остались в основном по любимым математике, русскому языку, литературе. Но кое-что помню и из физики, химии и пр. Про себя могу сказать, что «добывать информацию и анализировать ее» школа научила. Это моя школа. Может, у кого-то она была другой. Но, наблюдая в своей жизни школу 70-х, школу 90-х и школу нынешнюю, могу сказать – становится только хуже.

Теперь о нынешней школе. Одним из лозунгов разрушителей «старого образования» было «заменяем советскую зубрежку на выработку навыков». Лозунг правильный. Но увы! От навыков школа ушла, и уходит все дальше. Зато много абсурда, а вот здравого смысла, наоборот, мало. Начнем с того, что программы перекроили от «читаем и думаем» к «читаем много непонятного, учим наизусть, сдаем на оценку, благополучно забываем». О чем я? Поясню. Программы перекроены «под ЕГЭ». Добавлено до отвратительности много чистой теории: множество терминов по русскому, которые никогда никому, кроме лингвистов, не пригодятся и которые только вредят и логике изложения, и грамотности; добавлено так много терминологии по биологии, что кажется, что читаешь учебник для медвуза. То же – по географии, химии, физике. Учебники по истории и обществознанию отвратительны до тошноты... Могу очень много привести примеров несуразностей и странностей из современной школьной программы.

На ребенка, а затем подростка вываливается комом колоссальный объем неструктурированных знаний, который он не в состоянии осмыслить и надобность которого вызывает очень большие сомнения. Зато ушло обучение осмысленному чтению, ушло обучение рассказывать, писать изложения и сочинения. Современные «сочинения-рассуждения по шаблону» – это жалкая пародия, к тому же начинаются они классе в восьмом, а до этого – практически нет сочинений и изложений.

Учителя замотаны бумажками, что очень сказывается на психологическом комфорте в школе. Кроме того, на мой взгляд, не осталось ответственности учителя за результат. Ни в какой степени нет индивидуального подхода. Начисто отсутствует мотивация. Ибо двойка – никогда не была мотиватором, а вот демотиватором – запросто... Нет продуктивного общения учеников с учителями. Нет познавательного интереса. Нет учебы. А что же есть? Есть «площадка молодняка», на которой режутся с той или иной степенью безопасности для здоровья телесного и душевного дети и подростки... Сильным детям там скучно и непродуктивно, слабым – страшно и некомфортно. Есть оценки разной степени объективности и воздействия на психику. Есть ЕГЭ, местами абсурдный по содержанию и кошмарный по форме. В итоге, на мой взгляд, мы получаем очень слабое использование ресурсов детей, сужение сферы их интересов. И еще – мы получаем невротиков, не умеющих учиться...

Смириться с этим сложно.

Поэтому скажу так: ищите, дерзайте, рискуйте, думайте и творите для своих детей образование такое, каким вы видите его.

От чего должно быть свободно образование? Я думаю, в первую очередь оно должно быть свободно от отсутствия здравого смысла. Вернее – должно быть наполнено здоровым смыслом. Должен быть баланс во всем.

Тогда будет:

- наполненность творчеством и интересом;
- минимум рутины;
- необходимая достаточность теории;
- максимум навыков;
- максимум удовольствия.

И как результат – максимум ответственности и результата.

6. Крис Брав США/Россия, Кратово. Дети: Зина 9.

Наблюдая, как наша дочь Зина сосет молоко, начинает узнавать лица, учится садиться, ходить, петь и разговаривать на двух языках, считать, писать и сейчас (потихонечку) читать, кататься на роликах и коньках – все это без какого-то специального обучения или руководства – я давно понял, что традиционная школа не подойдет ни ей, ни нам, ее родителям. С другой стороны, с самого начала была очевидна ее насущная потребность в ежедневном пребывании вне дома и общении с другими детьми, так что и домашний анскулинг нам не слишком-то подходил. К счастью, мы нашли в Кратово нескольких единомышленников, с которыми открыли У. Дачу, пространство самонаправленного образования. Концепция и устройство У. Дачи, изменяясь в течение нескольких лет, сейчас находится где-то между демократической школой и совместным анскулингом.

«У нас бывают очень интересные беседы о естествознании, истории, теологии, «о башмаках и сургуче, капусте, королях»

Безусловно, на то, как я вижу процесс обучения, повлиял мой личный опыт. Я сам посещал и государственную, и частную школы, около года учился дома в детстве и, позднее, еще три года, будучи учеником старшей школы. В последний год домашнего обучения я отказался от стандартной программы и следовал своим собственным интересам, которыми на тот момент были античная история, древние языки и литература. Позднее, в университете, меня все больше начала занимать математика, и мне пришлось потрудиться, чтобы наверстать упущенное, особенно на первом курсе. Работая над диссертацией, я оказался довольно одинок, никто из однокурсников не занимался схожими проблемами, но у меня было ясное понимание своего интереса, а мой руководитель поддерживал меня и был сверхтолерантен, позволяя мне упрямо следовать моим собственным интересам, даже тогда, когда они уводили меня довольно далеко от его направления. И я бы сказал, что из всех моих учителей именно он оказал на меня наибольшее личное и научное влияние.

В общем, я чувствую, что большинству вещей, которые я знаю, я выучился сам и что единственным учителем, действительно оказавшим на меня влияние, был именно тот, с которым у нас сложились доверительные отношения, основанные на взаимном уважении и свободе. Поэтому я спокоен, давая нашей дочке шанс развиваться естественным образом, в окружении единомышленников. Конечно, ее дарования и предпочтения отличаются от моих, и, возможно, подрастая, она захочет пойти другим путем. Но пока она совершенно очевидно довольна У. Дачной жизнью.

У. Дача стала для нас не просто школой, куда мы отправили своего ребенка, но основным местом нашего общения и дружбы, позволяя нам соединить образование ребенка с нашей повседневной жизнью, и так полной учения. Дома Зина очень любопытна и полна вопросов, постоянно хочет, чтобы ей читали (она находит книги, которые мы можем читать ей вслух, гораздо более интересными, чем те, которые она может прочесть сама), часто мастерит что-то, с удовольствием смотрит документальные фильмы и любит играть в обучающие чтения и арифметике игры на планшете, так что в конце концов какая-то часть ее интеллектуального развития происходит дома. У нас бывают очень интересные беседы о естествознании, истории, теологии, «о башмаках и сургуче, капусте, королях».

По большей части я не знаю, чем занята Зина в У. Даче. Даже задай я пресловутый вопрос «чему ты научилась сегодня в школе?», вряд ли она бы ответила мне. Но это место, где она строит отношения с людьми не из семьи, с другими взглядами и интересами, и она очевидно счастлива там. А еще это место, где она учится не только дружить, но и конфликтовать, и разбираться с этими конфликтами.

Есть один вопрос, который пока остается для меня открытым: как глубоко должны быть вовлечены родители в проект, подобный У. Даче. С одной стороны, многие демократические школы очень мало вовлекают родителей, давая ученикам больше независимости от родителей, и, похоже, это хорошо работает в некоторых школах. Какими бы терпеливыми и доверяющими ни были родители, в их отношения с ребенком заложено неравенство, и для детей бывает трудно обрести независимость в присутствии родителей. С другой стороны, оказалось, что организация школы как сообщества семей позволило нам сформировать глубокие связи доверия друг другу, что обеспечило нас более надежным основанием для сообщества, чем это могло бы быть при разделении школьной и семейной жизни. В конце концов, я надеюсь, мы

сможем найти баланс, который позволит нашим детям быть независимыми и одновременно обеспечит надежную моральную поддержку близких друзей и семьи.

7. Дарья Бундина **Россия, Москва. Дети: Анита 15, Танита 9.**

Я обожаю учиться! А степень моего любопытства, любознательности и желания докопаться до сути иногда зашкаливает. Способ добывания знаний самый разный – книги, лекции, общение с людьми, разными, иногда – фильмы. Мне очень интересны дети, я считаю, что ничем они не отличаются от взрослых, разве что опыта меньше (иногда это даже преимущество) и учить их проще.

Базовое образование – юридическое, alma mater – МГЮА. Полученные по жизни профессии: курьер, секретарь, юрист, правозащитник, адвокат, руководитель юр. департамента, девелопер, руководитель проекта, фотограф, учредитель компании, куратор образовательной послевузовской программы, ну и все, что связано со школой – от администратора до директора лагеря; я основатель школы «Взлетная полоса». Школа для меня – это жизнь и источник вдохновения!

«Самый главный навык, которому меня научили мои дети и школа, – наблюдать и ждать»

В силу своего текущего образа жизни я часто размышляю об образовании, об обучении и воспитании, о свободе и правах ребенка, об отношениях родитель – ребенок, учитель – ребенок, ребенок – книга, гаджет, свободное время; а потом пробую свои мысли на вкус и прочность, обсуждая их с другими людьми, друзьями и коллегами, родителями и учителями. Да, кстати, свободное время. Для меня слово «свобода» означает великое умение и способность, а иногда даже дар – жить свободно, пользоваться свободой, использовать ее себе на благо. Ведь свобода – это сильнейшая штука, как кольцо Властелина: если оно твое, то дает тебе силу, если нет – разрушает и мешает идти своей дорогой. Так вот, мне кажется, что прежде чем давать свободу ребенку, надо научить его пользоваться и дожидаться момента, когда он сам ее возьмет в силу возраста, своей потребности или необходимости. Я очень радуюсь, когда мои дети знают, как использовать время, свободное время. Это то время, когда не взрослый человек говорит ребенку, что он должен делать в данный момент, а когда ребенок сам решает, что делать. Для меня естественно, что гаджеты – не есть качественное использование своего свободного времени. Конечно, полчаса-час – это нормально, но я радуюсь, когда ребенок играет в игрушки, строит миры, рисует, готовит еду или читает.

В школе я часто сталкиваюсь с тем, что ребята 9—11 лет, те, кто у нас недавно, встают в тупик и смотрят на тебя непонимающими глазами «за что?», когда ты говоришь им, что сейчас – свободный урок, есть возможность делать то, что вы хотите. Спустя какое-то время этот вопрос не вызывает такого удивления, и ребята высказывают свои пожелания, а совсем уж пик радости – это когда заходишь в комнату, чтобы сказать, что преподаватель заболел, и по ходу быстро размышляешь, чем бы с ними заняться (вариантов – куча, надо выбрать исходя из состояния ребят в конкретное время), а они уже занимаются сами (!), и атмосфера такая рабочая, что потихонечку выходишь из комнаты, чтобы не нарушить атмосферу.

Моей младшей дочери Тасе почти десять лет, она в моей школе уже четвертый год, и ничего другого не знает. Поначалу она спрашивала, когда же она пойдет в настоящую школу, с партами и звонками, контрольными и со строгими учителями, и где портфель нужно носить с собой. Я смущалась от таких опросов и даже немного обижалась, и даже думала, ну, погоди, отправлю тебя в обычную школу, раз так хочешь, посмотрим, на сколько тебя хватит. И если бы у меня было бы время, наверное, и вправду отправила бы! Я тогда обидчивая была.

Спустя три года Тася задает другие вопросы: а зачем форма в школе, ни за что не пошла бы в школу, где форма (хотя лично я ничего против формы не имею, мне кажется, это так мило – дети в жилеточках и юбочках; Тася-то юбки не носит, а тут пришлось бы); а звонки зачем, часы же висят, по ним все понятно. Но я понимаю, что придет время, и человек пойдет расти дальше, в систему или сам по себе. Причем в системе – много проще, чем без нее. В этом случае ты же сам себе и тьютор, и коуч, и исполнитель. Поэтому страшно уважаю людей, которые самообразовываются, и делают это без конца.

Моей старшей дочери Аните пятнадцать. Ее путь более тернист и извилист, все-таки она старшая, а значит, экспериментальная, как и все старшие дети, на которых родители тренируют и оттачивают свой педагогический запал. Так вот, после пяти лет в хорошей прогимназии (государственной) с хорошими учителями и супер директором Анитка пошла в мою школу, проучилась в ней год, набралась мужества, наглости и еще чего-то и выдала мне: это не для меня, хочу обычную школу, чтоб учеников в классе было не пять человек, а больше, чтоб системы было больше! Я ей нашла хорошую частную школу, старинную и сильную, поступать туда надо было. Анита поступила, несмотря на то, что знаний мы в свой первый школьный год

давали совсем немного, не умели еще требовать с детей и, что еще хуже, смотрели на них как на коллег (потом стало ясно, что это ошибка, но это другая тема).

Проучилась Анита в новой школе с энтузиазмом всего месяц! Все следующее время пребывания в школе было для меня, но я стойко продержала оборону все два года. Не только я, еще и учителя, за что огромное им спасибо. Сама Анитка хотела в обычную школу в центре города, где учатся ее друзья из театра, где она занимается с восьми лет. И вот только в этом году, в девятый класс, Анита пошла в ту школу, о которой мечтала с пятого класса. На излете лета, когда уже не набирали учеников в девятый класс, она, добыв телефон директора, начала его осаду. Даже меня притащила после того, как провалила с треском математику на вступительном тесте, и брать ее отказывались категорически. Но Анитка добилась своего, ее приняли, и первый раз за последние пять (!) лет ребенок мой ходит в школу с удовольствием (тьфу-тьфу), планирует стать отличницей (последний раз это было в четвертом классе, а в прошлом году за первую четверть по половине предметов не аттестована). Я наконец-то не пинаю ее по утрам выходить в школу, правда, позволяю прогуливать, когда она говорит, что устала, взамен слушаю рассказы взхлеб из биологии, мировой культуры и про композиторов (не всегда, конечно).

Жалею ли я, что раньше не послушала Аниту и не отдала ее в ту школу, в которую она так хотела? Не-а, ни капельки. Во-первых, ребенок должен дорасти до самостоятельных решений. Во-вторых, он должен научиться что-то делать для того, чтобы эти решения хоть чуточку продвигать в свою жизнь. В-третьих, всему свое время. И самое сложное – это ждать, наблюдать и дожидаться. Это и есть самый главный навык, которому меня научили мои дети и школа, – наблюдать и ждать. Очень сложно ждать. Хочется, чтобы быстрее научился ходить, читать, писать грамотно, говорить «спасибо», дальше больше – принимать решения и проявлять заботу, двигаться самостоятельно по жизни или хотя бы по городу, думать о своем здоровье и надевать вовремя шапку и не наступать в лужу в кроссовках.

А еще, знаете, что важно? Когда ты дождался – принять результат! Ведь результат может быть совсем не таким, как ты его нарисовал себе, пока терпеливо ждал. Но это то и интересно! Никогда не знаешь с этими детьми, что их обрадует, раздосадует, научит и вдохновит. Остается только одно – пробовать, дерзать, ошибаться, отчаиваться, снова пробовать и радоваться, бесконечно радоваться тому, что есть дети!

8. Анна Быстрик

Россия, Москва/ Рязань. Дети: Александр 13, Иоанн 11, Алексей 7, Карим 4.

Мы с мужем оба преподаватели. Окончили дирижерский факультет Московской консерватории. Перед консерваторией мы окончили музыкальные училища: я – московское, муж – новосибирское. Учились долго. Мой преподавательский опыт на сегодняшний день составляет 22 года. У мужа – чуть меньше, но учебные заведения в целом серьезнее. Я больше работала с детьми (ДМШ, ДШИ, гимназии, частные школы и развивающие центры), хотя опыт работы со студентами тоже имеется (5 лет преподавала на факультете музыкального театра в ГИТИСе). Муж больше работал со студентами (ГИТИС, Московская государственная консерватория имени Чайковского, Академия хорового искусства имени Попова).

Таким образом, мы оба знаем систему образования с обеих сторон – и как ученики, и как преподаватели. И «косяки» этой системы стали очевидными для нас еще до рождения детей. Мы видели, что система учит встраиваться, а не учиться. И на выходе из нее человек гарантированно приобретает единственный навык – научается угадывать и угождать. Все остальные навыки – удача отдельно взятого ученика, но не системы.

Вдобавок к этому система оценивания знаний настолько ущербна, что, вместо того, чтобы мотивировать ребенка, побуждать его к познавательному действию, она рубит на корню весь его интерес.

Поэтому, когда у нас родился старший сын, который уже в полтора года проявил уникальные способности, а в 4—5 лет знал программу 1 класса, мы поняли, что в школу он не пойдет. С тех пор мы путешествуем по океану семейного образования.

Сегодня уже трое наших сыновей обучаются дома: Александр – в 7 классе, Иоанн – в 4 классе и Алексей – в 1 классе. «И пусть порой бывает очень туго», все мы – и родители, и дети – понимаем, что наше решение учиться дома – одно из самых верных решений в жизни нашей семьи.

Как наши дети не стали заниматься музыкой

«Писать надо только тогда, когда не можешь не писать». Л. Н. Толстой

Мы с мужем – музыканты. Свое призвание мы ощутили в довольно раннем возрасте. Мы оба, как утверждают наши родители, начали петь и говорить одновременно. И не петь мы просто не могли. С тех пор жизнь каждого из нас неразрывно связана с музыкой. Когда мы были маленькими, существовал такой опыт – по детским садам и школам городов Советского Союза ходили хормейстеры и приглашали детей с хорошим слухом и голосом в разные детские хоровые коллективы. Да и родители наши, столкнувшись со столь яркой увлеченностью, отвели нас – меня в Москве, а мужа в Новосибирске – в детские музыкальные школы, за что им огромное спасибо.

Затем в моей жизни случился Большой детский хор телевидения и радио п/у В. С. Попова. А в жизни мужа – российско-германская постановка оперы Моцарта «Волшебная флейта», в которой муж пел одного из мальчиков. Прекрасный хормейстер Л. М. Школьная ходила по музыкальным школам Новосибирска и искала талантливых мальчишек. И нашла. С тех самых пор профессиональная и творческая жизнь Рината неразрывно связана с этим замечательным хормейстером, преподавателем и музыкантом. Вслед за «Волшебной флейтой» случился Детский музыкальный театр «Мир Музыки» п/у В. М. Калужского.

Таким образом, наше проявление было адекватно воспринято миром взрослых, и мы оказались в среде, ответившей нашим запросам, напитавшей и воспитавшей нас. Но в самом начале было проявление – постоянное звучание. Так мы оба и существуем – поем, потому что не можем не петь.

А что же наши дети? Конечно, они невероятно рано проявили свою музыкальность – все четверо поют и поют чисто с года. Но при этом каждый из них проявил еще и свою индивидуальную заинтересованность, ставшую ведущей.

Как это произошло? Есть у нас в семье одно правило. Если хочешь понять призвание своего детеныша, понаблюдай за ним сразу после ночного сна. Не гони его умываться, чистить зубы, убирать постель, делать зарядку и завтракать. Дай ему проявить себя. Это правило в нашем семействе сработало уже трижды.

Старший сын – Александр – очень рано начал читать. И его утро начиналось с книги. Несколько лет он не просто читал с утра. Он выкладывал книги, которые в тот момент читал, по всему периметру кровати и спал среди них. А проснувшись, брал ту, которая, вероятно, отвечала его настроению, и читал. Так он и живет. Читает шкафами. Читает постоянно. Читает очень разнообразную литературу. Очень увлечен историей науки: математики, физики, химии, астрономии. Обожает читать энциклопедии. Художественная литература – его страсть. И мы – родители – понимаем, что именно через книги Саша складывает свой образ мира.

Он не может не читать.

Наш второй сын – Иоанн – совершенно другой персонаж. Он очень рано начал рисовать и лепить. На день рождения в 2 года мы подарили ему первый мольберт, огромные кисти и коробку гуаши в больших банках. Каждое свое утро он начинал с рисования. Он рисовал везде: на бумаге, на стенах, на столе, на полу. Он равномерно выкрашивал литровую банку с водой, опускал в нее банки с красками, наблюдал, как меняется цвет, все перемешивал и в завершение процесса самозабвенно раскрашивал всего себя с головы до пят. Это была страсть! И эта страсть сопровождает его уже 9 лет. Его утреннее погружение в рисование или лепку дарит нам настоящие шедевры. И для нас совершенно очевидно, что свой образ мира Ваня складывает через те образы, которые проявляются в его картинах, вылепленных персонажах и композициях.

Он не может не рисовать.

Третий сын – Алексей – с раннего детства поражал всех нас своей невероятной фантазией. Этот мальчик постоянно рассказывал и рассказывает сказки. Когда он был малышом, я записывала за ним его сказки. А теперь он научился писать сам и пишет безостановочно. Представьте себе семилетнего мальчика, который, проснувшись раньше всех, крадетесь в кабинет, открывает ящик стола, берет оттуда некоторое количество листов А4, несет их на свою парту, устраивается поудобнее, берет линейку и карандаш, методично разлиновывает лист и пишет. Он пишет сказки, рассказы, даже книги! Он все свои творения сопровождает подробнейшими иллюстрациями. И это поражает! На сегодняшний день Алеша даже не столько складывает свой образ мира, сколько делится с ним собой через свои сказки, рассказы, фантазии и рисунки. Он выбрал такой вариант взаимодействия с миром. Он рассуждает, мыслит, выражает себя.

Он не может не писать.

Наш четвертый сын Карим пока еще юн. И мы наблюдаем. Наслаждаемся и поддерживаем все его начинания. И мы уверены, что он, подобно братьям, обязательно проявит себя, когда придет время.

А что же музыка?

Конечно, она есть в жизни каждого нашего ребенка. Она звучит, она обсуждается, она поется, играется всеми на всем, что есть в доме. Она любима всеми.

В жизни старших детей был период, когда мы приглашали удивительного педагога по фортепиано. И дети занимались. Но довольно скоро они оба сказали, что их тяготит это занятие. И мы с мужем, скрепя сердце, позволили им прекратить заниматься. Не скрою, это было испытанием для нас обоих. Почему?

Мы оба преподаватели. И мы изначально понимали, что дети одарены, что каждый из них может стать хорошим профессиональным музыкантом. И этот сценарий нас привлекал, так как мы – выбери они его – могли бы помочь. Для нас вопрос помощи в профессии – тема неудовлетворенной личной потребности. Мы оба выросли в семьях инженеров. Нас, хоть и признавали, но, к сожалению, никогда не понимали до конца. И поэтому мы были вынуждены искать среду для общения, обсуждения волнующих вопросов, обмена мнениями вне семьи. И мы мечтали дать своим детям ту среду, ту стартовую площадку, в которой когда-то нуждались сами. Однако жизнь распорядилась по-своему.

Признаюсь, мысль «Как же так?! Мы музыканты, а наши дети не занимаются музыкой! Совсем!» долго не давала нам покоя. К тому же мы понимали и понимаем, что каждого из них может «прорвать» в любой момент. Папа – дирижер театра. Дети ходят к нему на репетиции и спектакли. Дети восхищаются им. Они видят, как его любят музыканты и принимает публика. Им это нравится, и они хотят быть похожими на него. И страх «А вдруг прорвет, но будет поздно?..» нет-нет да и всплывает в моем сознании. Но я с ним справляюсь – учусь доверять жизни.

Музыка в нашем доме звучит постоянно. Мы слушаем записи, смотрим балеты и оперы, концерты лучших музыкантов и оркестров мира.

Временами кто-то из детей начинает больше времени проводить за фортепиано. Временами кто-то из них несколько дней подряд дудит на блок-флейте. Дети находят в интернете понравившуюся музыку, скачивают ее, слушают, подбирают, поют и так далее, и тому подобное. Временами... Это и есть ключ к разгадке. Все это происходит. Все это приносит радость и удовольствие, но... временами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.